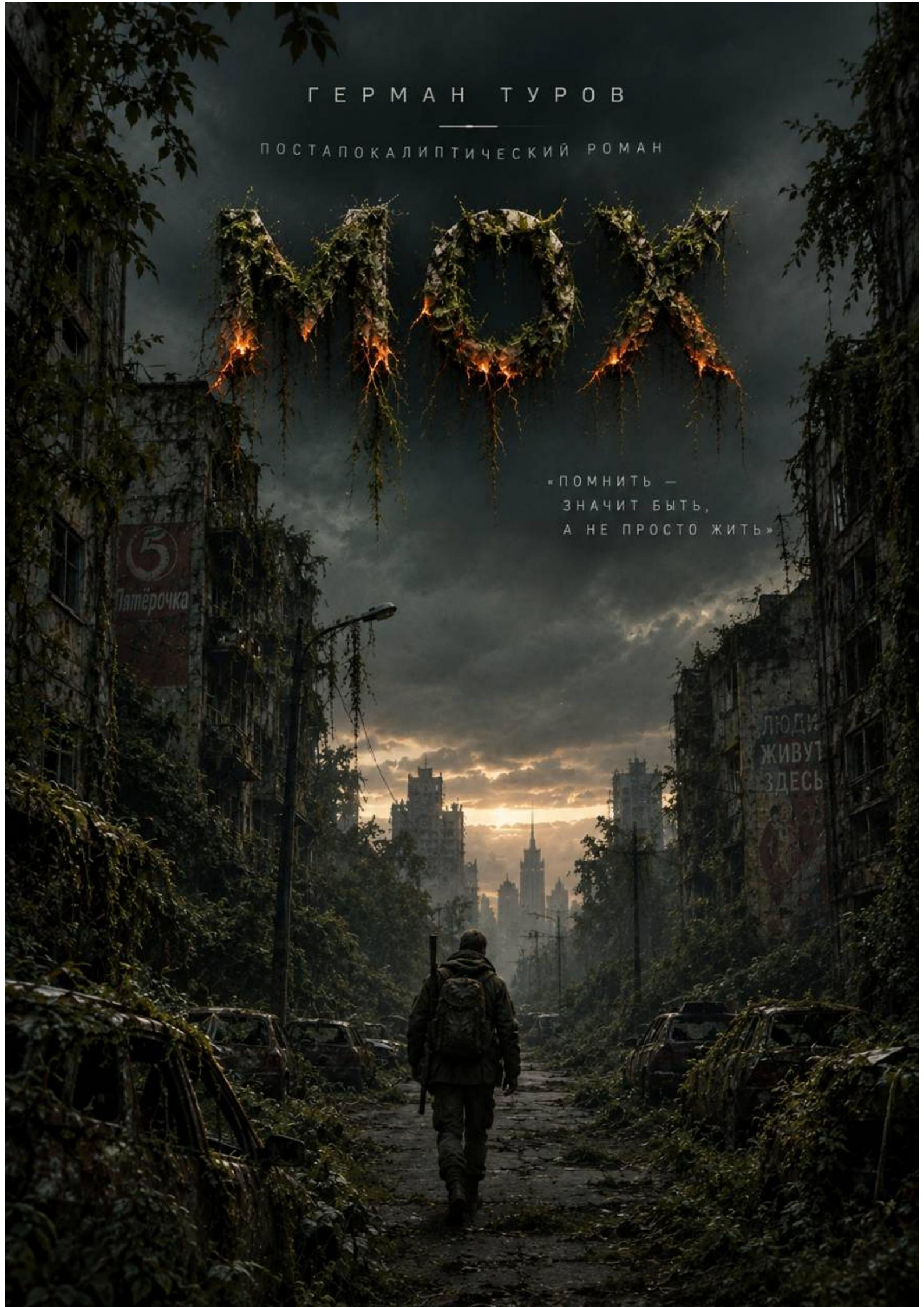

Г Е Р М А Н   Т У Р О В

ПОСТАПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ РОМАН

«ПОМНИТЬ —
ЗНАЧИТ БЫТЬ,
А НЕ ПРОСТО ЖИТЬ»

Герман Туров

МОХ

«Автор»

2026

Туров Г.

МОХ / Г. Туров — «Автор», 2026

Город перестал быть городом почти три года назад. Мох поднялся по стенам до вторых этажей, асфальт вздулся и лопнул, в брошенных машинах растёт трава. Те, кто остался, считают всё: воду, крупу, патроны, людей. Сколько пришло. Сколько ушло. Сколько осталось. Мёртвые в этом городе не бегут и не рычат. Они идут на шум и тепло, молча, и не останавливаются. Собаки, которые когда-то были чьими-то, идут за отставшими. Но убивает не только это: зима, которой нечем топить, болезнь, которую нечем лечить, и люди, у которых база кончилась раньше, чем у вас.

© Туров Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Герман Туров

МОХ

Глава 1

ГЛАВА 1. ПЯТЫЙ

Сто двенадцать.

Вчера было сто четырнадцать.

— счёт Волкова

Гера проснулся от холода в боку. Бетон забрал тепло ещё ночью, и теперь оно возвращалось медленно через одежду, через спину, через пальцы, которые он сжал в кулак, проверяя: слушаются ли.

Рюкзак лежал под головой. Ботинки носками к стене. Так было удобнее: проснулся — надел. Не нужно шарить в темноте.

На «Базе 5» бывшего гипермаркета темнота никогда не была полной. Под потолком горела одна лампа, прикрытая жестяной банкой. Свет выхватывал ближайшие стеллажи и терялся дальше, среди коробок, матрасов и людей. В глубине зала кто-то заворочался. Ребёнок тихо закашлял и тут же замолчал.

Пахло мокрой одеждой, хлоркой и дымом от печки в бывшей кулинарии. А под этими запахами держался другой — сладковатый, тяжёлый. Он тянулся снизу, с нижнего этажа.

Гера сел и несколько секунд не двигался. В пояснице тянуло, левая нога чуть затекла. Он потёр колено, нащупал под кожей старую боль и поднялся. Ему было двадцать восемь, но тело будто ошиблось возрастом. За окнами, заклеенными плёнкой, стоял ноябрь — не по календарю, календарей уже никто не вёл, а по холоду, который проникал даже сквозь бетон.

Здесь просыпались не по времени, а по необходимости. Кто-то шёл за водой, кто-то занимал очередь к раздаче. Дежурные менялись у входа. Женщина с ребёнком раскладывала на картоне мокрые носки, прижимая их ладонью, чтобы не скручивались. Старик с бородой сидел на ящике из-под тушёнки. Перед ним стояла пустая кружка. Он смотрел на неё так, будто ждал, что она наполнится сама.

Гера прошёл мимо. На стене висел список дежурств. Бумага размокла по краям, буквы расплывались. Рядом кто-то прикрепил новый лист поверх старого:

ВОДА.

ОХРАНА.

СКЛАД.

КУХНЯ.

Под списком мелким почерком были записаны фамилии тех, кто задолжал смену. Гера остановился. Его фамилия стояла третьей. Вчера он должен был выйти к воротам на два часа. Но не пришёл. И не потому, что забыл: после ночного рейда они вернулись домой поздно.

Он провёл пальцем по записи и пошёл дальше.

По залу тянулись ряды стеллажей, когда-то заставленных товаром, теперь застеленных матрасами, заваленных ящиками и свернутыми одеялами. На перегородке кто-то прибил лист картона: расписание уборной, расписание воды, расписание тишины после отбоя. «База 5» — перестала быть магазином три года назад, но вывеска над кассами так и осталась жёлто-красная, облупленная, с оторванной первой буквой. Никто её не снимал. Может быть, из суеверия. Может быть, просто руки не доходили.

У касс уже образовалась очередь. Кассы давно не работали. Остались только стойки, ленты и пластиковые разделители, которые никто не решался выбросить. Семёныч устроился

за первой кассой. Перед ним лежали блокнот, жестяная миска с жетонами и весы. На весах стояла пустая алюминиевая кружка.

— Следующий.

Перед ним встала женщина лет тридцати. На руках она держала мальчика. Тот спал, уткнувшись лицом ей в шею. Женщина положила жетон.

Семёныч посмотрел на него, потом в блокнот.

— Один паек.

— Детский тоже?

— Детский вечером.

— Вчера сказали утром.

— Вчера было вчера.

Женщина хотела что-то сказать, но увидела очередь за собой и промолчала. Семёныч отодвинул жетон.

— Следующий.

За женщиной стоял мужчина в телогрейке. Жетона у него не было. Он положил на кассу ладонь.

— Я вчера пришёл.

Семёныч продолжал писать.

— Жетон.

— Мне сказали сегодня.

— Кто?

Мужчина оглянулся. Никто не смотрел ему в глаза.

— Крот.

Семёныч поднял голову.

— Тогда иди к Кроту.

— Он сказал, что Семёныч выдаст.

— Крот сказал?

— Да.

— Пусть Крот и выдаёт.

Мужчина сжал пальцы. Гера видел, как дрогнула рука. Не от холода. Он знал этот тремор. Первая зима учила быстрее любых разговоров: голод начинался не в животе. Сначала движения становились мелкими, потом руки переставали слушаться, а после человек начинал торговаться за то, что вчера не стоило ничего.

— Мне семью кормить.

Семёныч посмотрел на него поверх очков.

— Всем семью кормить.

Так было заведено с зимы: кто не работал — не ел. Больных кормили из общего резерва, но резерв таял быстрее, чем поправлялись люди.

Очередь молчала. Мужчина забрал руку и ушёл. Гера проводил его взглядом до стеллажа с надписью «БАКАЛЕЯ». Там мужчина остановился, будто забыл, куда идти, потом свернул.

Семёныч поднял глаза.

— Гера.

— Что?

— Твой жетон.

Гера подошел. Семёныч взял из миски металлический кружок и положил на стойку. На нем была выбита цифра пять.

— Сегодня работаешь?

— Работаю.

— Нижний склад.

— Я вчера был там.

— Сегодня тоже будешь.

— Ладно.

Семёныч снова уткнулся в блокнот. Кто-то за спиной Геры тихо выругался. Он отошёл от кассы.

У дальней стены горела печка, сваренная из старой бочки. Труба уходила в потолок, между листами железа оставалась черная щель. На плите стоял котел. Перловка. Воды было больше, чем крупы, но запах всё равно заставлял людей поворачивать головы. Каша здесь означала, что день начался.

Гера взял миску. Женщина за котлом зачерпнула половником.

— Жетон.

Гера показал жетон. Женщина налила содержимое в миску. На дне миски осталась лишь тонкая пленка жидкости.

— Это всё?

— Да, всё, — ответила женщина.

Он отошёл.

— Гера, — окликнула его Ася.

Ася сидела на перевернутом ящике у стены. Ей было шестнадцать, может, семнадцать. Волосы короткие, тёмные. Куртка чужая, слишком большая в плечах. Мужские ботинки. Она держала миску двумя руками.

— Ты опять опоздал.

— Куда?

— На дежурство.

— Знаю.

— Семёныч знает.

— Напомнил уже.

Ася посмотрела на его миску.

— Тебе мало налили.

— Тебе столько же.

— Я же младше.

— И что?

— Конечно, мне должны дать больше.

Она сказала это совершенно серьёзно. Гера впервые за утро улыбнулся. Едва заметно. Ася тоже. Потом снова уткнулась в кашу.

Рядом кто-то чинил сапог: мужчина держал ботинок на колене и протягивал через подошву медную проволоку. Через проход женщина стирала в тазу детскую кофту. Вода была серой уже после первой полоскательной порции. У стены спал мальчик. Рядом лежала школьная форма: рубашка пожелтела от времени, тёмные брюки. Когда-то такая одежда ничего не значила. Теперь её берегли.

Двое детей играли у соседнего стеллажа не в войну, а в магазин: раскладывали на картонке камешки, называли их ценами, торговались всерьёз. Старшая, лет семи, хмуро придиралась к качеству товара. Младший прятал лучшие камешки в кулаке и божился, что таких больше нет.

Ася заметила, куда смотрит Гера.

— Опять смотришь.

— На что?

— На старое.

Гера перевёл глаза на неё.

— Ешь.

— Я ем.

Она действительно ела. Медленно, звеня ложкой об миску. Каждое утро люди здесь делали одно и то же: считали воду, крупу, патроны, лекарства, людей. Сколько пришло. Сколько ушло. Сколько осталось. База 5 держалась на этих цифрах и на тех, кто ещё мог выполнять тяжелую работу внутри и кто ходил наружу за едой и лекарствами.

После завтрака Гера отнёс миску. На обратном пути у входа его остановил Крот.

— Сегодня нижний склад.

— Семёныч уже сказал.

— Значит, ты услышал.

Крот был в старой куртке с жёсткими плечами. На левой брови шёл шрам. Руки он держал в карманах.

— Там двери опять заклинило.

— Починим.

— Не ты.

Гера посмотрел на него.

— Тихон?

— Тихон.

Крот помолчал.

— А ты сегодня с группой.

— Куда?

Крот перевёл взгляд на Волкова, который стоял у дальней кассы.

— Он всё скажет.

И ушёл.

Ася подошла.

— Школа?

— Наверное.

— Откуда знаешь?

— Крот сказал.

— Крот ничего не говорит.

— Вот именно.

Медпункт находился в бывшем кабинете управляющего. На двери маркером было написано: «МЕД». Ниже кто-то добавил: «СТУЧАТЬ». Гера постучал.

— Входите.

Анна сидела за столом и что-то записывала. В помещении было теплее, чем в зале. Пахло спиртом, хлоркой, и сухими травами.

— Садись.

Гера сел на кушетку. Ася осталась в дверях.

— Опять старый шрам?

— Просто пришёл.

— Я вижу.

Анна подошла, повернула его лицо к свету.

— Смотри сюда.

Фонарик ударил в глаза.

— Голова болит?

— Иногда.

— Когда?

— После вылазки.

— Тошнота?

— Нет.

— Кашель?

Гера замолчал. Анна подождала не много. Что-то записала.

— Покажи руку.

Гера протянул ладони. Анна осмотрела пальцы, ногти, запястья. Потом остановилась на правом предплечье. Там был шрам: белесый, неровный, старый. Она коснулась его кончиком пальца. Гера дернулся.

Не от боли.

Перед глазами — подъезд. Четвертый этаж. Открытая дверь в квартиру. На кухне темно. Дима сидит на полу у стены. Глаза мутные. На подбородке кровь. Гера стоит в дверях и не знает, что сказать.

— Дим?

Дима поднимает голову. Смотрит на него секунду, может, две. Гера ждёт, что брат узнает его. Не узнает. Или узнаёт — этого Гера не знает до сих пор.

Дима встаёт медленно, делает шаг, ещё один. Гера отступает. Дима хватается за руку. Зубы впиваются в кожу. Гера рвётся назад. Удар. Один. Дима падает. Гера остаётся стоять. Потом закрывает дверь, спускается и идет. Три часа до Базы 5. Он не помнит дорогу. Только холод и кровь на рукаве.

Анна убрала руку. Гера снова был в медпункте. Она ничего не спросила. Он ничего не сказал.

Анна перелистнула страницу.

— Сколько выходов было за последний месяц?

— Шесть.

— Семь.

Гера посмотрел на неё.

— Я считаю.

Анна сняла очки, протерла стекло краем халата.

— Ты не спишь.

— Сплю.

— Нет.

Он промолчал.

Анна достала из ящика маленькую жестяную банку.

— После еды.

Гера взял её.

— Что там?

— Травы.

— Помогают?

— Иногда помогают, это лучше — чем ничего.

Он открыл крышку. Горький запах ударил в нос.

— Тихон сушил.

Гера убрал банку в карман.

— Это всё, что есть?

Анна не сразу ответила. Взяла со стола пустой пузырёк, повертела в руках.

— Антибиотик кончился на прошлой неделе. Тихон ищет замену в аптеках, но там либо пусто, либо просрочено на два года.

— Просроченное хуже, чем ничего?

— Бывает лучше. Смотря что.

Она поставила пузырёк обратно на полку — аккуратно, будто он ещё мог пригодиться.

Анна посмотрела на него.

— Гера.

Он остановился у двери.

— Что?

Она долго не решалась.

— На нижних этажах был человек.

Гера обернулся.

— Кто?

— Его нашли позавчера.

— Живого?

Анна кивнула.

— Но он был не такой.

— А какой?

Она посмотрела на свои руки.

— Смотрел.

— Все смотрят.

— Не так.

Гера молчал.

— Глаза мутные. Но он следил за мной. За каждым движением.

— Где он?

— В подсобке.

— Заперт?

— Был.

— А сейчас?

Анна подняла глаза.

— Дверь открыта.

Гера почувствовал холод в спине.

— Он ушёл?

— Не знаю.

— Крот знает?

— Я сказала ему.

— Волков?

— Не знаю.

За стеной кто-то кашлянул. Оба замолчали. Анна надела очки.

— Иди.

Гера открыл дверь.

— И не говори пока.

Он кивнул.

По пути к кассам Гера свернул к лестнице, ведущей на нижний этаж. Дверь была приоткрыта, подпёрта деревянным клином. У входа Тихон возился с петлями, постукивая молотком. Заметив Геру, выпрямился.

— Замену прислали?

— Меня сюда не посылали. Просто шёл мимо.

Тихон кивнул, вернулся к работе. Из глубины нижнего этажа тянуло всё тем же сладковатым запахом, что Гера почувствовал ещё ночью. Только здесь он был гуще.

— У вас там что, не проветривается?

— Вентиляция забита с прошлой осени. Руки не доходят.

— Тихон вытер лоб рукавом, оставил серую полосу.

— Волков говорит, потом разберёмся.

Гера постоял ещё секунду, вглядываясь в темноту за его плечом. Ничего не двигалось. Он отвернулся и пошёл дальше.

В коридоре Ася подняла голову.

— Долго ты.

— Что сказала?

— Ничего.

Ася посмотрела ему в лицо.

— Врёшь.

— Идём.

Она не стала спорить.

Волков ждал у касс. На стойке перед ним лежала карта района. Он считал людей, не жетоны, а именно людей. На обратной стороне тетрадного листа он вёл счёт палочками: четыре — зачёркнуто, пятая — рядом. Сто двенадцать. Вчера было сто четырнадцать. Он это знал и всё равно пересчитал. Семёныч стоял рядом с блокнотом. Крот у входа. Даня появился последним. Костя принёс два магазина и положил их на кассу. Игорь стоял за ним. Новенький. На вид лет около двадцати. Слишком чистая куртка, слишком новые ремни на рюкзаке. Старался не смотреть на оружие.

Костя заметил.

— Это твой первый раз?

Игорь кивнул.

— Да, первый.

— Будь аккуратнее.

Игорь отвернулся.

Костя дальше проверял магазины.

Игорь стоял чуть в стороне, у стеллажа с пустыми полками, снова и снова перебирая ремни рюкзака: ослаблял, затягивал, ослаблял. Ладони у него блестели. Заметив, что Гера смотрит, он торопливо убрал руки за спину.

Ася подтолкнула Геру локтем.

— Видишь?

— Да, вижу.

— Первый раз тяжелее всего.

Она подошла к Игорю, протянула флягу.

— Попей. Потом трудно будет остановиться достать.

Игорь кивнул, взял флягу, сделал два глотка, вернул.

Потом снова затянул ремень.

Костя тем временем разложил снаряжение на кассе: два магазина, большой нож, бинты, фонарь. Проверил затвор, достал патрон, поставил на предохранитель, каждое движение привычное, без взгляда на руки.

— Даня, сколько до школы?

— Минут двадцать через дворы. Меньше, если по улице, но по улице не пойдём.

Ася достала блокнот, послушавила огрызок карандаша.

— Записывать?

— Записывай, сказал Даня. Всё, что увидим. Потом Волкову.

— А если ничего не увидим?

— Тогда так и запишешь. Пусто — тоже ответ.

Ася кивнула, спрятала блокнот во внутренний карман куртки, туда, где он не намокнет.

Даня разложил на карте несколько карандашей.

— Через дворы.

— Почему не по улице? — спросил Игорь.

— Улица просматривается.

— Кем?

Даня поднял на него глаза.

— Всеми.

Игорь замолчал.

Волков поставил палец на карте.

— Школа №47.

Гера подошел ближе. Красная отметка стояла у самого здания.

— Документы, сказал Волков. Нужен журнал директора. Если найдёте медкарты, заберите.

— Зачем?

Волков посмотрел на него.

— Пригодятся.

— Для чего?

— Потом узнаешь.

Гера перевёл взгляд на карту. Рядом с отметкой школы стоял ещё один знак, маленький крест. Он указал на него.

— Это что?

Волков свернул карту.

— Это опасное место.

— Почему?

— Разберётесь на месте.

Даня тихо усмехнулся.

— Отличная инструкция.

Крот посмотрел на него.

— Тебя никто не заставляет идти.

— Меня заставляет жетон.

Семёныч поднял голову от блокнота.

— Жетон никого не заставляет.

Даня ничего не ответил.

Волков посмотрел на Геру.

— Пойдёшь первым.

— Понял.

— Ася тоже.

Гера повернулся к ней. Она уже стояла с рюкзаком.

— Я слышала.

— Костя замыкает.

Костя кивнул.

— Игорь со мной, сказал Даня.

Игорь выпрямился.

— Я готов.

— Не спеши быть готовым.

Волков уже убирал карту во внутренний карман.

— Возвращение до темноты.

— А если не успеем?

— Успеете.

Он сказал это спокойно. Гера посмотрел на него. Волков не отвёл взгляда. В этом и была его сила: он редко повышал голос, но люди сами добавляли ему громкости.

Крот подошёл к двери. Взялся за засов, но не сразу отодвинул.

— Утром было движение у школы, — сказал он, не оборачиваясь. Двое наблюдателей видели с крыши.

— Какое движение?

— спросил Гера.

— Медленное.

— Это ничего не говорит.

Крот пожал плечами.

— Оно и не должно. Просто идите осторожно.

— Я открою.

Снаружи дождь закончился. Вода стекала по витринам, собиралась в трещинах асфальта. Борщевик пробился между бетонными плитами и поднялся выше колена. У ворот стояла машина без колёс. В салоне росла трава. По стене дома напротив мох дошёл до подоконников первого этажа и остановился ровной полосой — не пятном, не язвой, а границей, которую он прошёл за эти годы и пройдёт дальше. Где-то за поворотом залаяла собака и тут же резко смолкла, будто её оборвали на полуслове.

Крот снял цепь. Гера поправил ремень автомата. Ася проверила фонарь. Даня посмотрел на часы. Костя положил руку на плечо Игорю.

— Не отставай.

— Не отстану.

— И смотри вокруг.

Гера вышел первым. Во дворе пахло мокрой землей. Где-то работал генератор. За домами кашлянула труба. Свет от Базы отражался в луже у ворот — небольшой, жёлтый, настоящий.

Гера оглянулся. Внутри двигались люди: кто-то нёс ведро, кто-то закрывал дверь. Семёныч уже возвращался к кассам. Анна стояла в глубине зала. Она смотрела на Геру, потом исчезла за стеллажом.

Гера отвернулся. Перед ними лежал двор: серая панелька, детская площадка, качели, всё покрыто ржавчиной. Между домами начиналась дорога к школе. Он сделал первый шаг. Остальные медленно двинулись следом. За спиной лязгнули ворота. Крот запирает их изнутри. Гера не обернулся во второй раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.